

УДК 316.44(470+571)
ББК 60.54(2)

Э.А. ОРЛОВА

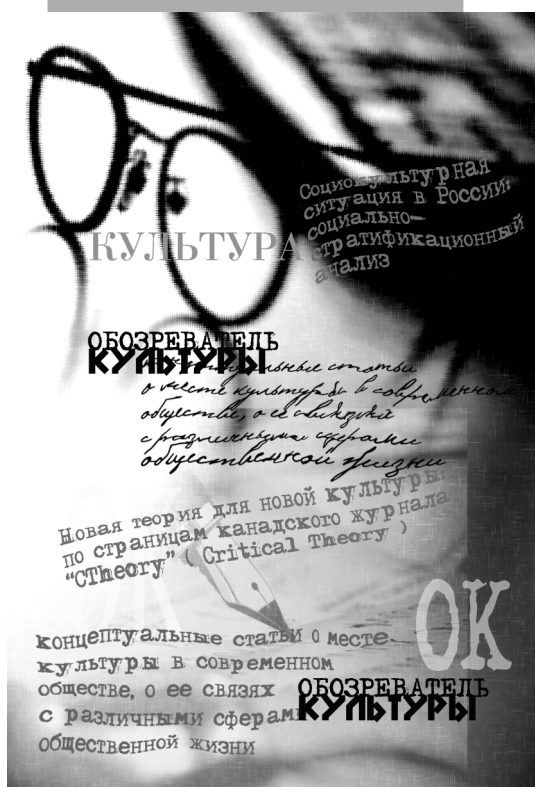
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ: СОЦИАЛЬНО- СТРАТИФИКАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

Предлагается рассматривать переходное состояние российского общества как смену формы социальной стратификации. Выделяются основные социальные слои и стратегии, которые их представители используют для укрепления социальных позиций и поддержания или расширения ареала собственного существования в социокультурном пространстве. Определяются тенденции и проблемы переходного периода, вызываемые динамикой отношений между социальными слоями.

Ключевые слова: переходное состояние общества, социальная стратификация, социальный слой, социетально-институциональный и обыденный уровни социокультурного пространства, социокультурное пространство.

Когда российское общество называют переходным, то не уточняется, от какого состояния к какому происходит движение. Выбор темы данной статьи обусловлен попыткой рассмотреть этот вопрос с позиций происходящих здесь процессов социокультурной дифференциации. Соответственно речь идет об изменении формы социальной стратификации по сравнению с той, что была характерна для советского времени.

Происходящие в современном российском обществе социокультурные изменения принято определять исключительно в институциональном плане, более того, преимущественно в экономическом ключе. Проявления политической активности обычно трактуют как произво-

КОНТЕКСТ

дную от состояния экономики. Остальные области культуры рассматриваются либо вне общего социокультурного пространства, либо с точки зрения их детерминированности экономическими и политическими факторами. Соответственно объяснениям и прогнозам, относящимся к социокультурной микродинамике, недостает обоснованности и достоверности. В социально-научном отношении проблема, следовательно, состоит в расхождении между необходимостью диагностического анализа переходного состояния общества и уточнения вектора движения в контексте изучения социокультурной микродинамики, с одной стороны, и попытками определить изменения общества «в целом» и недостаточной разработанности методологии их дифференциального анализа — с другой.

В данном случае переходные процессы, происходящие в современном российском обществе, в идеальнотипическом плане ограничиваются и определяются:

- относительно глобальных тенденций социокультурной модернизации, оказывающих давление на российское государство и общество;
- в терминах динамики социокультурного расслоения общества и его влияния на функционирование социальных институтов и на динамику обыденной жизни;
- в контексте ранее разработанной дифференциальной концепции социокультурного пространства¹;
- с помощью объединения релевантных положений структурно-функционального, семантического и синергетического методов исследования.

Цель настоящей статьи — систематическое описание предметной области изучения ситуации в российском обществе, представленной с этих теоретических позиций, и обоснование того, что происходящие здесь процессы можно назвать переходными².

Активизация процессов расслоения в современном российском обществе

Предпосылками активизации процессов расслоения в современном российском обществе можно считать переход от более простой его формы, сложившейся в советское время и культурно закреплённой (в триаде «рабочий класс—крестьянство—интеллигенция») к более сложной модели социокультурной стратификации (как она видится в социологии). Это состояние можно представить набором ряда показательных тенденций.

Еще в советское время сформировался *высший слой среднего класса*, состоящий из представителей традиционалистской олигархической государственной и пар-

тийной бюрократии³. Однако в рамках культуры его существование было скрыто за идеологемами движения к бесклассовому (в марксистском понимании) обществу и общенародному государству. В наши дни представители этого класса весьма заинтересованы в собственной официальной выделенности в социокультурном пространстве и в утверждении своей культурной идентичности. Не менее важна для них легитимизация собственного уровня качества и стиля жизни, которые ранее были обеспечены экономическим и политическим положением. В настоящее время этот социальный слой дополняется «новыми богатыми», не располагающими политическими полномочиями и правами принимать социально значимые решения и зависимыми от государственной олигархии. Между ними существует сходство по образу жизни: богатство, наличие банковских счетов и собственности за рубежом, обучение детей в престижных вузах в развитых странах, высококачественное жилье в России, дорогие формы проведения свободного времени. Но между ними существуют и различия.

Первые (*бюрократы*) получают свои ресурсы жизнеобеспечения из бюджетных средств, поступающих в качестве налогов от других групп граждан, от участия в делении доходов подведомственных им государственных и частных экономических структур, а также от коррупции, ставшей привычным явлением в обществе. Они ориентированы на использование модернизационных образцов потребления, но не производства. В этом отношении охотно заимствуются элементы стиля жизни и артефакты, сформированные и созданные в развитых странах. В то же время «бюрократы» препятствуют развитию производства, науки и образования в стране. Во-первых, модернизация в этих областях не приносит им прямых доходов, а во-вторых, способствует количественному росту конкурентных социокультурных групп граждан, более компетентных, чем они. Такие ориентации обеспечивают им социальную безопасность.

Вторые (*богатые*) получают доходы от владения и управления собственными производительными структурами. Хотя эти структуры (банки, медийные образования, а также сырьевая промышленность) не связаны с реальным сектором экономики, тем не менее эти люди ориентированы на модернизацию. Это связано с тем, что соответствующие процессы обеспечивают им не только возможности развития собственного дела, но и полномочия в области принятия и реализации значимых для них социально-политических решений в части политики налогообложения, безопасности собственности, вмешательства государства в деловую жизнь. Однако, оказавшись зависимыми от бюрократических структур, «богатые» обнаруживают ориентацию на формирование

¹ См.: Орлова Э.А. Социология культуры. М.: Академический проект, 2012. Раздел II.

² Материалами для анализа наиболее заметных и общепризнанных динамических тенденций послужили предвыборные программы кандидатов в президенты России, их комментарии видными аналитиками, а также аналитические материалы, разработанные автором статьи для Министерства культуры РФ, Министерства труда и социальной защиты РФ, Министерства образования и науки РФ.

³ К Советскому Союзу и современной России не применимо понятие высшего класса в соответствии с рядом признаков, которые рассматриваются как необходимые в социологической модели социальной стратификации (наследуемая социальная позиция, высокий уровень общекультурной компетентности, традиционно сложившиеся устойчивые межличностные связи, эlegantный стиль жизни).

институтов гражданского общества в расчете на получение гарантий легитимных границ собственного ареала в социокультурном пространстве. Это может обеспечить им социальную безопасность.

Между этими составляющими *высшего слоя среднего класса* существуют серьезные позиционные расхождения и заметная социокультурная напряженность. Дело в том, что представители государственной бюрократии пытаются при модернизационном стиле жизни сохранить собственную традиционно сложившуюся исключительную позицию в социокультурном пространстве. В то же время *новые богатые* пытаются расширить пределы этого ареала, предъявляя правомерность своих претензий на включенность в него и, следовательно, на круг соответствующих прав и полномочий. Пока именно в плоскости расхождений между способами обеспечения позиции в социокультурном пространстве и социальной безопасности происходит размывание ранее существовавших социальных границ за счет различия культурных паттернов между составляющими этого слоя и неустойчивости появляющихся культурных новообразований.

Дифференциация *среднего слоя среднего класса* обусловлена претензиями его представителей на позицию высшего его слоя. Те, кого принято относить к агентам информационного общества (квалифицированные специалисты, продуцирующие социально значимый контент в областях науки, инженерных разработок, образования, массовой культуры, а также осуществляющие функции менеджмента в производственных, научных и коммуникационных структурах), ориентированы на восходящую вертикальную социальную мобильность. В настоящее время здесь происходит выделение групп, представители которых пытаются осуществлять модернизационные изменения в обществе собственными силами. Они становятся инициаторами формирования институтов гражданского общества, обеспечивающих им право реализовать собственные интересы своими силами с минимальной зависимостью от государства. Разными путями (через средний бизнес, через попытки продуцировать и распространять собственные культурные инновации, гражданскую активность) эти люди стараются повысить уровень и качество жизни, чему препятствуют как представители первого слоя, так и их собственные распри. Тем не менее, они проявляют активность, ориентированную на определение и удержание достойного места в пространстве социокультурной стратификации.

Располагая возможностями вступать в партнерские отношения с западными производственными, исследовательскими, образовательными структурами, в развитых и сильных развивающихся странах, они получают признание и возможности работать и реализовать образ жизни, который по уровню и качеству оказывается выше, чем в российском обществе, и соответствует мировым стандартам. Тогда как в России представители высшего слоя среднего класса различными способами препятствуют вертикальной восходящей мобильности этих людей. Тех, кто относится к государственной бюрократии, — путем

слабого бюджетного финансирования и наложения на их профессиональную деятельность и гражданские свободы разного рода административных ограничений. Представители новых богатых — за счет ограничения их доступа к финансовым ресурсам благодаря собственным налоговым льготам и утверждения собственной социальной позиции в качестве приоритетной по сравнению с другими соями общества. Из-за такого рода давлений социальная безопасность этих наиболее динамичных социокультурных групп постоянно находится под угрозой. В то же время они, как и новые богатые, ориентированы на заимствование и изобретение модернизационных культурных образцов, поскольку это расширяет социокультурное пространство их существования, придает ему структурную организацию и основания для социокультурной идентичности.

Повышается уровень недовольства существующим положением дел и у консервативных (*пассивно-конструктивных*) представителей среднего класса (квалифицированные исполнители среднего звена — преподаватели, врачи, инженеры и другие специалисты, представители малого бизнеса). Этих людей не удовлетворяют собственный уровень жизни и ее качество (в основном с ориентацией на массовое потребление и массовую культуру). Вследствие этого они принимают некоторые модернизационные ориентации. В то же время «пассивно-конструктивные» более склонны придерживаться стереотипных, привычных социокультурных паттернов и заимствовать у других модернизационные образцы как потребители, но не как участники в их осмыслении и продуцировании. Это совокупность групп, заинтересованных в первую очередь в стабильности, то есть в сохранении неизменности структурных характеристик своего существования и вариативности (обеспечиваемой другими) культурного содержания своего образа жизни. Их вертикальной восходящей мобильности препятствуют представители бюрократии, относящиеся к высшему слою среднего класса. Однако в этой совокупности социокультурных групп не наблюдается ориентации на активное социальное продвижение. «Пассивно-конструктивные» с трудом, но приспособляются к социокультурной ситуации, проблемности которой они способствуют своим консерватизмом, и в определении и попытках преодоления на общесоциальном уровне не участвуют. Их социальная безопасность обеспечивается невысокими культурными и социальными запросами и приспособлением к требованиям тех, кто по социальному статусу находится в более высоком положении. Они не участвуют в формировании и деятельности институтов гражданского общества, но, когда это необходимо, готовы пользоваться их помощью. В случаях, когда объединившееся меньшинство членов общества открыто проявляет недовольство ущемлением своих прав и свобод, пассивно-конструктивные представители среднего класса, как правило, остаются в стороне. Они неосознанно отождествляют высшие социальные слои с государственными институтами, всегда пассивно поддерживают все их провозглашаемые решения. Одно-

временно они не делают ничего, чтобы эти решения осуществлялись.

Положение в обществе представителей *нижнего слоя среднего класса* и высшего слоя низшего класса характеризуется тем, что это наиболее инертная составляющая социальной стратификации. Именно они стремятся к социальной стабильности. Их включенность в модернизационные процессы минимальна. Даже образцами модернизации они пользуются с большим запозданием по сравнению с их появлением в пространстве потребления. Да и сами эти образцы немногочисленны и узкоутилитарны. Во внутрислоевых коммуникациях они выражают недовольство своим социальным положением, однако крайне редко предпринимают какие-либо активные конструктивные действия, чтобы изменить ситуацию. Как правило, открытые требования к работодателям предъявляют рабочие. Мелкие служащие пассивно принимают сложившееся положение дел.

Представители этих социальных слоев более ориентированы на сохранение относительного благополучия в приватной жизни, чем на социальное участие. Для них не характерны гражданские инициативы. Они не претендуют на участие в выработке и реализации социально значимых решений. К проблемным социокультурным ситуациям они успешно приспосабливаются и переживают их, проявляя полную конформность к их контингентным императивам и только в чрезвычайных ситуациях пытаются оказать давление на тех, от кого зависят. Эти люди не формируют социальных движений и других институтов гражданского общества, не стремятся к восходящей вертикальной социальной мобильности, но образуют социокультурное пространство для ее нисходящей направленности. Следует отметить, что из этой среды людям редко удается подняться по социальной лестнице. Как правило, это те, кто уже занимал более высокую социальную позицию, но, по несчастью, утратил ее. Тотальная приверженность представителей этих социальных слоев привычным условиям выживания служит им гарантом социальной безопасности.

Средний и низший слои низшего класса в современном российском обществе характеризуются общими чертами. К ним относятся многочисленная группа людей, ставших и оставшихся безработными; тех, кто всегда не имел постоянного рабочего места; опустившихся пенсионеров — иными словами, тех, кого принято причислять к обществу и культуре бедности. Для них характерно так называемое полевое поведение, то есть проявления их активности полностью зависят от динамики внешних обстоятельств. Соответственно, это предельно простые способы существования при минимальных социальных и культурных запросах. Эти слои близки к криминальным структурам, поскольку их представители сами совершают правонарушения и составляют пространство для пополнения организованного преступного мира. В этих рамках формируются группы риска — алкоголики, наркоманы, мелкие преступники. В основном такие люди живут за счет того, что в обществе производится другими. Сами они не участвуют в общественной жизни. Из всех социальных слоев для них характерна наибольшая степень социаль-

ной безопасности, поскольку они привычно существуют в предельно упрощенных социокультурных условиях и выработали стратегии ускользания от действия правовых и этических норм. Наряду с криминальной субкультурой они сами составляют угрозу социальной безопасности низшему слою среднего и высшему слою низшего классов.

Институциональные последствия процессов социокультурного расслоения в российском обществе

Процессы социокультурной дифференциации, выделения и более резкого, чем раньше, разграничения социальных слоев и групп порождают целый ряд последствий на институциональном уровне социокультурного пространства. Их представители по-разному относятся к необходимости выполнять соответствующие функции, и это обуславливает возрастание неопределенности социокультурной ситуации.

Представители *высшего слоя среднего класса* в целях поддержания собственных позиций в социокультурном пространстве и укрепления их границ используют социальные институты в большей степени, чем для урегулирования общественных отношений и решения социально значимых проблем приемлемым для всех членов общества образом. Иными словами, они используют институционально установленные полномочия и средства для реализации собственных интересов.

Представители среднего слоя среднего класса модернизационной ориентации пытаются привести институциональные структуры и функции в соответствие с их социально-антропологическим предназначением — обеспечить конвенционально установленное соотношение удовлетворения индивидуальных и групповых интересов, с одной стороны, и поддержание общества как организованной сложной целостности — с другой. В то же время решение этой проблемы они предлагают в своем определении ситуации, в своих социокультурных кодах и во многом применительно к своим социокультурным интересам. В том числе речь идет о более четком выделении и фиксации границ их собственного ареала социокультурного пространства, обеспечивающего этому слою и составляющим его группам социальную безопасность.

Представители *среднего слоя среднего класса консервативной ориентации* пытаются сохранить свою социальную позицию, решать собственные жизненные проблемы в существующих институциональных пределах. Однако конфронтация двух предыдущих тенденций в использовании соответствующих структур порождает на этом уровне ситуацию нормативной и функциональной неопределенности. Соответственно конструктивная компонента активности представителей таких групп становится все более затруднительной, а ее пассивная составляющая начинает преобладать. В рамках своей институциональной деятельности (в системе общественного разделения труда) они вынуждены колебаться между двумя названными выше ориентациями, присоединяясь к той, которая ситуативно оказывается более сильной.

Их культурная позиция амбивалентна. С одной стороны, они по своему бесправно вынуждены подчиняться силе консервативного давления. С другой — из-за ухудшающегося социального положения они разделяют некоторые позиции модернизационной идеологии. Границы их ареала в социокультурном пространстве достаточно неопределенны, и степень социальной безопасности их позиции в обществе представляется им неудовлетворительной.

Представители социальных *слоев, ориентированных, прежде всего, на сохранение стабильности собственного места в обществе*, оказывают относительно небольшое влияние на состояние институционального пространства. Они более заинтересованы в поддержании благополучия своей частной жизни, чем в решении вопросов, связанных с эффективностью функционирования социальных институтов. В рамках системы общественного разделения труда они не участвуют в принятии социально значимых решений; они реализуют исполнительские функции. На их ареал социокультурного пространства не претендуют представители более высоких социальных слоев. Во-первых, потому, что его границы поддерживаются не столько изнутри, сколько извне. Во-вторых, он ограничен с точки зрения возможностей реализовать достаточно высокий социальный или культурный потенциал. В-третьих, исполнители нужны представителям высших социальных слоев при любом политическом режиме. Они остаются вне контекста противостояния высшего и среднего слоев среднего класса в процессах изменения формы социальной стратификации. В то же время порождаемая этой ситуацией институциональная неопределенность позволяет им безнаказно снижать эффективность выполнения собственных функций.

Представители низших слоев общества пользуются институционально предоставляемыми возможностями в ограниченном объеме из-за непритязательности собственных запросов. Они лишь косвенным образом способствуют поддержанию или изменению социальной структуры. В период активизации процессов социальной дифференциации и изменения формы социальной стратификации количество этих людей и их социальная активность увеличиваются. В условиях анонии у них появляется большая возможность повышать уровень собственного благополучия способами, которые в установившихся ситуациях общества считаются противозаконными. Ареал их социокультурного пространства при таких обстоятельствах расширяется. В то же время представители более высоких социальных слоев стремятся вернуть его в те границы, которые считаются социально приемлемыми. Как свидетельствует социокультурная практика, это пространство неустраимо. На него никто не претендует из-за ограниченности предоставляемых им возможностей для обогащения, реализации более сложных социокультурных интересов, общественного признания. В случае угрозы социальной безопасности со стороны этих слоев пространство их существования институционально ограничивается даже в условиях перехода от одной формы социальной стратификации к другой.

Культурные характеристики институционального социокультурного пространства при переходном состоянии общества

Попытки представителей каждого из социальных слоев легитимизировать границы и структуры их ареалов предполагают стремление закрепить собственные социальные позиции теми официальными средствами, которыми они располагают. Сказанное выше позволяет в общем виде представить содержательные характеристики институциональных областей социокультурного пространства, которые связаны с этими тенденциями.

Прежде всего, следует выделить *домен социальной организации*, в который включаются хозяйственная, политическая и правовая области.

В рамках *хозяйственной* области социокультурного пространства обострилась напряженность между традиционалистской ориентацией и организацией общественного производства и модернизационной направленностью массовых запросов. Это равно относится и к государственным, и к частным структурам. Несмотря на широкое распространение машинной и электронной техники в российской промышленности доминируют традиционалистские ориентации: добывающие отрасли производства и торговля сырьем существенно преобладают над обрабатывающими и производством товаров потребления. Государственные и частные собственники предпочитают получение быстрых доходов от относительно дешевого производства сырья и относительно дорогой его продажи. Все их рассуждения относительно необходимости модернизации производства не имеют реальных последствий. Квалификация рабочей силы в промышленности и разрушающемся сельском хозяйстве остается низкой. Это же относится к интеллектуальной деятельности. Собственникам крупных монопольных добывающих единиц проще купить услуги зарубежных специалистов, чем вкладывать ресурсы в подготовку российских специалистов — ученых, инженеров, среднего технического персонала. Они практически не инвестируют российскую систему общественного производства, тем более, что в основном держат свои капиталы в солидных западных банках и скупают недвижимость за рубежом. Соответственно на государственном уровне они лоббируют законы, поощряющие торговую (на внешних рынках), посредническую, бюрократическую деятельность, финансовые операции, но отнюдь не модернизацию хозяйственной области и расширение ассортимента товаров и услуг российского производства.

Таким образом, традиционалистский способ организации хозяйственной области социокультурного пространства характеризуется следующими чертами:

- преобладание традиционного добывающего вида промышленности над перерабатывающим;
- преобладание банковского дела, ориентированного на посредничество, над производством общедоступных товаров и услуг;
- налогообложение и коррупция, препятствующие модернизации не только областей малого и среднего

бизнеса, но и государственных производительных структур;

- отсутствие современных рыночных форм.

Низкий производительный труд и торговый обмен с развитыми и сильными развивающимися странами постепенно привели к тому, что в культуре сложился внутренне противоречивый паттерн соотношения производства и потребления. Ориентация на пользование товарами и услугами, являющимися продуктами модернизированного способа хозяйствования, сосуществует с неучастием в их продуцировании (из-за неумения и нежелания большинства исполнителей производительных функций). Для представителей высшего и среднего слоев среднего класса это расхождение не имеет существенного значения: у них хватает ресурсов, чтобы удовлетворять свои запросы, пользуясь зарубежной продукцией. Представители низшего слоя среднего класса и высшего слоя низшего класса недовольны таким положением дел, поскольку их уровень жизни постоянно снижается. Для удовлетворения возрастающих запросов у них оказывается недостаточно ресурсов.

В политической области социокультурного пространства сложился режим государственного управления, который можно назвать олигархическим. Представители высшего слоя среднего класса, сформировавшегося в своем ядре еще в советское время, унаследовали практику концентрации в своем ареале крупной собственности, институтов законодательной и исполнительной власти, институтов правоприменения и продолжают отстаивать свое право на такое положение дел. Институты гражданского общества находятся в стадии становления, но в рамках социальных слоев, представителям которых они нужны для обеспечения социальной безопасности, пока не сложились эффективные организационные формы, отвечающие решению этой задачи. Кроме того, представители высшего слоя среднего класса, поддерживающие олигархический режим политического управления имеющимися у них институциональными и силовыми средствами, препятствуют формированию легитимных и сильных образований такого рода.

К настоящему времени в политической области социокультурного пространства можно выделить несколько направлений активности.

1. Для сохранения ареала социокультурного пространства высшего слоя среднего класса, сведения до минимума проницаемости его границ представляющие его политики используют целый ряд средств:

- выделение так называемой партии власти, которой представители этого слоя любыми средствами обеспечивают большинство в парламенте;
- поддержание неопределенности полномочий президента, который выдвигается представителями этого слоя, что позволяет контингентным образом утверждать правомерность реализации их локальных интересов;
- выдвижение на посты, связанные с региональным и локальным управлением, представителей своего слоя;

- манипулирование выборными кампаниями;
- осуществление внешней политики, обеспечивающей обогащение и безопасность этому слою и его воспроизведение.

Однако внутри этого слоя политические интересы неоднородны. Его закрытость обуславливает ограниченные возможности вертикальной восходящей мобильности. Это вызывает напряженность в отношениях между поколениями политиков, между сторонниками консервативной и более модернизационной ориентаций. Нарастает конфронтация групп, представители которых культурно и профессионально компетентны на современном мировом уровне, и тех, кто воспроизводит советские (в основном силовые) методы политического управления. Все более заметны расхождения в позициях тех, кто ориентирован на формирование благоприятного социокультурного контекста в более широком, чем собственный ареал, социокультурном пространстве, и тех, кто заботится об улучшении только собственной жизненной среды.

2. В области публичной политики сегодня отчетливо обнаруживается несколько идеологических ориентаций, адресованных разным слоям общества:

- правая консервативная, представляемая так называемой партией власти и оправдывающая интересы высшего слоя среднего класса, выдавая их за интересы всего общества. Идеологи, обслуживающие эту ориентацию, всячески скрывают, что режим государственного управления является олигархическим, и стараются представить его в качестве необходимого для сохранения общественной безопасности. Сегодня к этой идеологической активности привлекаются религиозные структуры;
- левая консервативная, которая представлена Коммунистической партией России и различными ее производными. Сегодня внутри нее существует отчетливое расхождение между советской коммунистической ориентацией и умеренными модернизационными тенденциями. Ее идеологи пытаются соединить идеи общенародной и частной собственности, патерналистский и авторитарный стили политического управления, религиозное и светское мировоззрение, патриотизм и включенность страны в процессы глобализации. Они оправдывают существование социальной синкретичности общества (называемой социальным равенством) и выражают неприятие происходящих здесь процессов социальной стратификации. Эта размытая идеология адресована представителям тех социальных слоев, которые более заняты сохранением благополучия собственной приватной жизни, чем решением социально значимых проблем. Таким людям вполне импонируют ее эклектизм и популизм, а одновременная патерналистская и авторитарная направленность не воспринимается как противоречие;
- умеренно модернизационная, представленная в публичном политическом пространстве, например, партией «Справедливая Россия» в ее сегодняшнем состоянии. Здесь отчетливо прослеживаются социал-

демократические идеи. Утверждается право на существование и обеспечение социальной безопасности представителей малого и среднего бизнеса; необходимость повышения уровня и качества жизни квалифицированных специалистов; государственное обеспечение достойного образа жизни социально слабо защищенным социальным группам (таким, как инвалиды, пенсионеры и др.); повышение качества образования и медицинского обслуживания, доведение этих областей до уровня мировых стандартов. Идеология этой направленности обращена, прежде всего, к представителям низшего слоя среднего класса и высшего слоя низшего класса. Однако адресат не эксплицируется, и представители этой ориентации делают вид или убеждены, что они выражают интересы всех членов общества;

- модернизационная, представленная так называемой несистемной оппозицией. Вытеснение ее представителей из официального публичного пространства (их отсутствие в парламенте) вынуждает их занимать более радикальную позицию, чем та, которую они реально разделяют. В этих рамках утверждается необходимость выделения социокультурного пространства для заимствования и изобретения культурных инноваций; для свободного предпринимательства на основе конкуренции; распространения и практического использования экспертного знания; резкого сокращения бюрократических структур и коррупции как их производной; господства юридического права над обычаем. Представители этой идеологии открыто признают, кому она адресована. Это представители крупного и среднего производительного бизнеса, наиболее образованная и культурно компетентная часть общества, «продвинутое» студенчество.

Однако это самые заметные и общие политические ориентации. Неизученным остается множество более узких тенденций, отвечающих интересам многочисленных локальных социальных групп и сообществ. Они образуются и распадаются, проявляются то более активно, то менее отчетливо, лучше или хуже отрефлексированы, выражают устойчивые групповые интересы или контингентные предпочтения. Именно они составляют то политическое поле, из которого выделяются более устойчивые и определенные политические образования — социальные движения, гражданские инициативы, политические партии.

Сегодня столкновение различных политических ориентаций оказывается неподконтрольным государственной олигархии. Ее представители не владеют умением находить компромисс между собственными интересами и другими политическими ориентациями. Расхождения между тенденциями к политическому плюрализму, сложившемуся в обществе, и стремлением представителей высшего слоя среднего класса подавить их делают политическую ситуацию в стране неопределенной. Ситуация обостряется из-за немногочисленности и слабой легитимности политических институтов гражданского общества и модернизационных сил, находящихся в оппозиции к существующему полити-

ческому режиму. В стране только начинают складываться реальные социокультурные группы интересов, не просто провозглашающие свою приверженность обновлению политического порядка, но и обладающие опытом и навыками, позволяющими им эффективно действовать в этом направлении. Соответственно они имеют неустойчивые совоккупности приверженцев и располагают ограниченными средствами пропаганды своих идей и опыта.

Модернизационные процессы в стране сдерживаются тем, что здесь только начинают формироваться институты гражданского общества, и общая политическая культура находится на низком уровне. Постоянное воспроизведение представителями высшего слоя среднего класса экстремальных ситуаций, репрессивная политика по отношению к оппонентам, пропаганда внешних угроз, а также откровенное поддержание политическими средствами собственной социальной позиции — все это усиливает напряженность в политической области социокультурного пространства. Кризис в *правовой* его области обусловлен расхождением между обычными и юридическими установлениями. В области законотворчества доминируют люди из высшего слоя среднего класса, которые через большинство своих представителей в парламенте от партии власти и либерально-демократической партии, принимают правовые акты в ответ на каждое социальное событие, которое, по их мнению, нарушает их интересы. Такие документы составлены небрежно, с двусмысленными формулировками, что позволяет их трактовать по-разному в зависимости от ситуации использования. Соответственно постоянно и быстро растет количество законов, которые не имеют общесоциальной значимости и используются в репрессивных целях для тех, кого представители этого слоя хотят отстранить от экономической и политической активности, а также освобождают от ответственности тех, кто принадлежит к нему. В области правоприменения доминирует решение вопросов по обычаю. Даже если существуют конституционные положения и законы, все неприемлемые для представителей этого слоя ситуации разрешаются в их пользу с нарушением правовых установлений.

Сегодня возрастает активность представителей среднего слоя среднего класса, направленная, во-первых, на разделение законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, и, во-вторых, на утверждение равенства всех перед законом, который должен стать единственным инструментом разрешения всех социально значимых спорных вопросов и конфликтов. Однако постоянное организованное сопротивление со стороны высшего слоя, в ведении которого сегодня находятся все три ветви власти, пока мешает сторонникам этой позиции существенно ограничить сложившуюся здесь практику. И все же они, как могут, оказывают сопротивление бессмысленному законотворчеству и пытаются отеснить из правовой области социокультурного пространства правоприменительный произвол, осуществляемый в интересах лишь одного социального слоя и мешающий адекватному регулированию широкоохватных социокультурных процессов. Изменению положения дел в этой области препятствует также

низкий уровень правовой культуры в массовом масштабе. В то же время напряженность в правовой области тормозит модернизационные преобразования в более широком социокультурном контексте.

Кризис правовой культуры проявляется также в широкой распространенности преступности в стране. Это обусловлено рядом предпосылок социокультурного характера. Прежде всего, следует отметить, что массовые репрессии граждан на протяжении десятилетий имели последствием то, что люди, возвращавшиеся из мест заключения, привносили в общественную жизнь множество образцов, ценностей, норм, характерных для криминальной субкультуры. Ситуация усугублялась тем, что на уровне государства в известной степени сохранялось попустительское отношение к теневой экономике и уголовным преступлениям. В первом случае теневым дельцам давали возможность накопить значительное богатство с тем, чтобы потом осудить их и конфисковать их имущество, судьба которого оставалась неконтролируемой правовыми средствами. Во втором — периодическая амнистия уголовников использовалась как инструмент устрашения граждан. Позже коррупция и организованная преступность стали обычным явлением в обществе. И сегодня здесь сложилась привычка снисходительно относиться к проявлениям криминальной субкультуры, и ее паттерны заняли прочное место и стали повседневным явлением как на институциональном, так и на обыденном уровне социокультурного пространства. Кроме того, российские пенитенциарные учреждения организованы так, что скорее способствуют усилению, нежели ослаблению криминальной субкультуры и распространению ее паттернов в более широком социокультурном контексте.

Периодически повторяются попытки представителей высшего слоя среднего класса подавлять любые проявления недовольства существующим политическим режимом с помощью не только институциональных, но и криминальных средств (рэкет, заказные убийства, аресты). Соответственно, не уверенность в правовой защищенности, а страх перед преступностью стал важным механизмом социального контроля на уровне повседневной жизни людей и в отношениях между ними. И это существенно ослабляет позиции законности в социокультурном пространстве.

Наконец, известно, что значительные социокультурные изменения общесоциального масштаба, подобные тем, что сегодня происходят в российском обществе, всегда порождают состояние аномии, то есть ослабления действия и разрушение социальных норм, характерных для предыдущего установленного состояния общества. В таких условиях криминальные тенденции обычно усиливаются.

Таким образом, законотворческие и правоприменительные институциональные структуры, функционирование которых контролируется представителями высшего слоя среднего класса, оказываются неэффективными. Даже если речь идет об обслуживании интересов, общих для этого слоя, реакции на каждое негативное событие, представленные в виде запретительных законов, столь многочисленны, что законы начинают противоречить друг другу по содер-

жанию. Неопределенность нормативных установлений и их произвольное истолкование обусловили критическую позицию представителей среднего слоя среднего класса по отношению к сложившейся ситуации, снижение доверия к закону в рамках низшего слоя среднего класса и правовому нигилизму в более низких социальных стратах. В обществе относительными становятся границы между нормальной гражданской жизнью и образцами, ценностями, нормами криминальной субкультуры, которые сегодня широко распространены в пределах как институционального, так и обыденного уровней социокультурного пространства. Подчинение правовых институтов интересам одного социального слоя привело к тому, что они перестали выполнять свою основную функцию — поддержание в обществе социально приемлемого порядка легитимными средствами. И это одна из самых опасных, разрушительных черт современного социокультурного пространства, даже для тех, кто попустительствует ее воспроизведению и укреплению.

Нынешнее положение дел в рамках домена социальной организации в пределах современного социокультурного пространства российского общества приводит к тому, что в результате использования представителями каждого из социальных слоев соответствующих институтов в целях укрепления собственных общественных позиций соответствующие структуры перестали выполнять свои социетальные функции. Пока представители каждого социального слоя пытаются в этой неопределенной ситуации сохранить или расширить ареал собственного существования в этом пространстве. Средний слой среднего класса — за счет продвижения модернизационных тенденций, обеспечивающих ему социокультурную идентичность и безопасность. Низший слой среднего класса и высший слой среднего класса — за счет поддержания собственных социальных позиций путем дистанцирования от политических процессов, попыток руководствоваться локальными обычаями в обход современных невнятных законов и использования хозяйственных институтов только в качестве источника доходов, а не производства социально полезной высококачественной продукции.

Процессы, происходящие в пространстве социального расслоения, сказываются и на ухудшении состояния институтов *социально значимого знания* (философская, научная, художественная, религиозная области социокультурного пространства).

Представители разных социальных слоев имеют неодинаковое отношение к соответствующим институтам. Тех, кто его продуцирует, можно распределить между высшим и средним слоями среднего класса. Выделение и поддержание ареала существования в социокультурном пространстве происходит в каждом из них по-разному. В первом случае люди, занятые такого рода деятельностью, оправдывают все, что происходит в рамках их ареала и в отношениях с другими социальными слоями и группами. По сути дела они на символическом уровне обслуживают воспроизведение его позиции в общественном мнении. Во втором случае — профессионалы работают таким образом, чтобы с помощью специфических знаний и навыков выде-

лить собственный ареал социокультурного существования, относительно непроницаемый для «непосвященных». В условиях актуализации процессов социального расслоения этим людям приходится иметь дело с проблемами не столько продуцирования социально значимого знания, сколько демонстрации собственной общественной значимости и утверждения права на высокую социальную позицию. Именно поэтому сегодня они сами и представители других социальных слоев оценивают результаты их деятельности не с позиции приращения знания — объяснения и прогнозирования текущих социокультурных процессов, определения и поиска путей решения социально значимых проблем, а с точки зрения «востребованности».

В рамках более низких социальных слоев специализированное знание не только не продуцируется, но при современном состоянии культуры используется в минимальном объеме. При сложившихся процессах социального расслоения, осуществляемых силовыми способами, это знание оказывается слишком сложным, чтобы его осваивать и использовать в качестве интеллектуального основания практических действий, в стратегических целях. Хорошо известно, что знание облегчает людям выстраивание приемлемых для них отношений с окружением. Но при сложившейся в стране массовой привычке действовать на основе не специализированного, а обычного знания в рамках практически всех слоев принято отстаивать собственные социальные позиции путем проб и ошибок. Такое положение дел приводит к существенным последствиям для качества культурной информации, продуцируемой в пределах соответствующих институтов.

Философская область социокультурного пространства, как известно, характеризуется функциональной доминантой, связанной с осмыслением наиболее общих представлений о мире, человеке, его существовании. Результатом становятся философские системы, которые обеспечивают людям с различными интересами и запросами возможность находить конечные оправдания своим жизненным позициям в современных им условиях. Следовательно ситуациям, характеризующимся высокой степенью социокультурных динамизма и неопределенности, должны соответствовать свои «картины мира». Однако в советский период, когда философия рассматривалась на государственном уровне и профессионалами как средство оправдания исключительности существующего в обществе политического режима, она стала примитивной и монистичной. Попытки уложить в простые и универсальные рамки представления о реальности привели к тому, что эта область познания утратила связь с многообразием процессов, происходящих в стране и в мире. Результатом стала ее догматизация и превращение в идеологию. И до сих пор в российской культуре практически отсутствует философское осмысление сущности процессов, происходящих в социокультурном пространстве страны и в ее отношениях с окружением. Фактически эта область познания сегодня сведена к истории существующих здесь учений и комментированию того, что создается зарубежными мыслителями. Таким образом, сегодня оказалось, что

обобщенное осмысление реальности, будучи общественно необходимым, не обеспечено философскими основаниями (то есть совокупностями конечных значений), определяющими позиции человека по отношению к миру.

Представители среднего слоя среднего класса, для которых этот род деятельности является лично значимым или составляет их профессию, пока не имеют достаточных навыков современного философствования. Они пытаются оправдать право своего слоя на прочную социальную позицию, пользуясь идеями своих зарубежных коллег. Без должной интерпретации эти идеи оказываются неприменимыми к российской реальности. Представителям других социальных слоев, которые ориентированы на практические действия, связанные с поддержанием собственной социальной позиции здесь и сейчас, философия просто не нужна. Соответственно эта область познания находится в кризисном состоянии.

Положение науки в современном российском обществе таково, что ее представители постоянно вынуждены отстаивать право на поддержание ареала своего слоя в социокультурном пространстве. В области естественных и технических наук продвигались в советское время и продвигаются сегодня лишь те направления, которые обслуживают укрепление военной силы государства; при ослаблении военно-промышленного комплекса многие темы сворачиваются. Работники науки, которые сохраняют свои места в рамках высшего слоя среднего класса, продолжают получать государственные заказы. В то же время коррупция, существующая в этой области, обуславливает то, что качество получаемых результатов не интересует ни заказчиков, ни исполнителей.

В то же время происходит накопление проблем, связанных с ухудшением экологического состояния жизненной среды, с научно-техническим обеспечением качества жизни и т. д. Такого рода проблемы в массовом масштабе остаются нерешенными, поскольку представители высшего слоя среднего класса, обеспечивающие собственную социальную безопасность за счет эксплуатации природных ресурсов, с одной стороны, и государственного бюджета — с другой, а также средствами, которые им обеспечивает олигархический политический режим, могут обходиться без отечественных научных и технических инноваций.

Научное знание не нужно и представителям низших слоев, которые ориентированы на потребление его результатов, воплощенных в бытовых артефактах зарубежного производства. А поскольку представители среднего слоя среднего класса вынуждены отстаивать свое место в современном социокультурном пространстве, они в большей степени стараются продемонстрировать свои достижения, которые можно считать более чем скромными, и убедить других в том, что они являются социально необходимыми.

Социальные науки также находятся в кризисном состоянии. В советское время произошло выделение в этой области двух ориентаций: большая часть работников обслуживала интересы государственной и партийной бюрократии и оправдывала существующий политический режим как необходимый и единственно возможный. Дру-

гие, составлявшие меньшинство, пытались приобщиться к мировым достижениям в этой области, и этими более адекватными средствами описать и подвергнуть критике сложившееся в стране положение дел. Подобные ориентации продолжают сохраняться и сегодня. Проблема заключается в том, что в стране не существует собственных фундаментальных социально-научных исследований, а заимствования извне остаются поверхностными. В результате сегодня оценка современной российской ситуации оказывается более адекватной скорее на уровне квалифицированной журналистики, чем на уровне представителей социальных наук.

Следует также подчеркнуть, что в мировой науке происходит смена познавательных парадигм. Это означает необходимость пересмотра философских оснований науки, изменение предметной области познания, методологии исследований. Иными словами, обращения к фундаментальному направлению научного познания. В российском обществе за редким исключением такого рода работа не осуществляется. Представители высшего и низших слоев среднего класса, а нередко и сами представители научного сообщества оправдывают такое положение дел неостребованностью фундаментального знания в обществе и невозможностью прямого использования его в практических целях.

Сегодня, когда существует настоятельная необходимость понять, что происходит в стране, что нужно и можно сделать, чтобы вывести ее из социокультурного кризиса, какие для этого существуют ресурсы и возможности, оказывается, что российский потенциал социальных, естественных, технических наук не соответствует решению этих задач. Расхождение между необходимостью рационально решать социально значимые проблемы и возможностями российской науки остается значительным, особенно в области фундаментального знания о человеке, обществе и культуре.

Процессы социального расслоения и стремление представителей разных страт обеспечить безопасность собственных ареалов социокультурного пространства отразились на состоянии *современного российского искусства*. Как известно, в этой области принято выделять три уровня: элитарный, популярный и массовый. В первом случае речь идет о поиске решения социально значимых проблем построения отношений с окружением в образной форме. Во втором — об использовании имеющихся художественных средств выразительности для целей просвещения, представленного в развлекательной форме. В третьем — о преимущественной ориентации на развлечение.

В рамках современной российской культуры доминирует третье направление. Его представители стремятся завоевать максимально возможную широкую популярность у наиболее невзыскательной и многочисленной части аудитории. Ее составляют представители как высшего, так и низшего слоев среднего класса. У тех и у других примерно одинаково невысокий уровень общекультурной компетентности, и потому они поддерживают ту зону этой области, которая сегодня даже не называется искусством,

но обозначается как шоу-бизнес. Здесь эстетическая примитивность поддерживается ограниченностью запросов аудитории. Соответственно в обществе в массовом масштабе воспроизводятся стереотипы, легко доступные для восприятия, упрощенные по форме и содержанию.

Зона популярного искусства, которая была доминирующей в советской культуре, существенным образом сократилась. Это обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, существенное снижение уровня профессионализма, обусловленное широким распространением упрощенных образцов, способствует перемещению все большего количества представителей искусства на массовый уровень. Во-вторых, затруднительное положение в обществе среднего слоя среднего класса побуждает художников этой ориентации в большей степени заботиться о поддержании своей социальной позиции, чем о совершенствовании мастерства. Наконец, в-третьих, повысился уровень общекультурной компетентности представителей среднего слоя среднего класса, и сложившиеся ранее формы популярной культуры перестали отвечать их запросам.

В то же время продолжает существовать поисковое искусство, ориентированное на образное освоение меняющегося окружения. Оно сегодня не поддерживается государственными структурами и существует вне связи с широкой аудиторией, не готовой, за исключением узкого круга любителей и знатоков, к восприятию найденных здесь удачных решений современных мировоззренческих проблем. Правда, сегодня представители этого уровня искусства имеют возможность — и широко используют ее — работать в развитых и развивающихся странах, за пределами России. Там они приобретают возможность реализовать свой потенциал и, как известно, пользуются признанием у представителей высших и средних социальных слоев, более подготовленных к восприятию элитарного искусства. В российском же обществе ранее существовавшие формы такого рода постепенно деградируют, поскольку в литературе, музыке, живописи, архитектуре, театре разрушились прежние школы мастерства, но пока не сложились новые. Отток художественной элиты за рубеж означает, что формирование элит существенным образом затрудняется.

Стремление представителей этой категории людей, относящихся к среднему слою среднего класса, занять более высокое социальное положение обусловило коммерциализацию искусства, вступление их в рыночные отношения с аудиторией. Развлекательная продукция сегодня хорошо продается. Представители высшего и низшего слоев общества готовы платить за развлечения. Популярные и элитарные произведения не имеют широкой аудитории из-за массовой низкой степени общекультурной компетентности. Вследствие существенного ухудшения специализированного образования в этой области здесь в очень малой степени воспроизводятся подлинные мастера искусства. Соответственно качество художественной деятельности и ее результатов в существующих условиях ухудшается, и это означает, что ис-

кусство сегодня выполняет свои социально значимые функции лишь в очень ограниченной мере.

Что касается *религиозных* институтов, то тут стремление приобщиться к высшему слою среднего класса побуждает их представителей в большей степени активизировать свое участие в экономических и политических процессах, чем помогать людям адаптироваться в сложной и динамичной социокультурной ситуации. Это особенно заметно в пределах Русской Православной Церкви. Сегодня ее представители возрождают все паттерны отношений с государством, которые были характерны для царской России. Они полностью поддерживают и оправдывают политику, осуществляемую в интересах высшего слоя среднего класса, и с их попустительства претендуют на роль ключевых идеологов. Поддержанию такой их позиции способствует низкий уровень культурной компетентности представителей низших слоев общества. При переходном состоянии общества, когда представители высшего слоя используют социальные институты в интересах укрепления и поддержания собственной социальной позиции, а не для решения социально значимых проблем, они оказались неготовыми к самоорганизации. В этих обстоятельствах обращение к церкви как институту, обеспечивающему подтверждение правомерности существующего положения дел в обществе, снимает с них ответственность за необходимость обеспечивать собственное благополучие. Такое положение дел не позволяет служителям церкви приспосабливать догматы этой самой по себе весьма консервативной области социокультурного пространства к меняющимся обстоятельствам. Соответственно религиозная область культуры сегодня при поддержке высшего и низших слоев общества способствует реставрации традиционалистских культурных образцов и не несет в себе модернизационного потенциала.

Существенные проблемы обнаруживаются сегодня в том домене институционального социокультурного пространства, который должен обеспечивать *приобщение к культуре* представителей всех слоев общества, осуществлять их социализацию (образование, просвещение, массовые коммуникации).

Самая социально значимая из областей в этом пространстве — *система общего и специального образования*. В современном российском обществе она находится в состоянии глубокого кризиса. Представители высшего слоя среднего класса сегодня имеют возможность отправлять своих детей учиться за границей. Соответственно в ситуации, когда они озабочены отстаиванием собственных сфер влияния и контроля в обществе, для них вопрос о том, каким будет образование у представителей других социальных слоев, не является первостепенным. Законы, принимаемые в парламенте и осуществляемые средствами государственных образовательных институтов, способствуют поддержанию кризиса. Сегодня даже на уровне массовых представлений это совершенно очевидно. Среднее образование не обеспечивает учащихся знаниями и навыками, необходимыми для адаптации в сложной современной ситуации. Система среднего технического образования полностью разрушена. Высшее образование

не соответствует современным мировым требованиям, предъявляемым молодому специалисту в профессиональной среде. Представители среднего слоя среднего класса пытаются как-то преодолеть сложившуюся ситуацию. Они участвуют не только в публичной критике сложившегося положения дел, но и в поиске новых форм обучения и разработке современных образовательных программ. Однако ситуация осложняется значительной дистанцией, существующей между представителями областей образования и науки. Ведь для эффективного функционирования образовательных структур нужны преподаватели и учебные пособия. Пока же преподаватели — это в основном выпускники педагогических вузов, достаточно консервативных по содержанию образования. Представители науки, которые сегодня вынуждены преподавать в вузах для улучшения собственного материального положения, не стремятся участвовать в разработке учебных программ и пособий. И не только из-за нежелания брать на себя дополнительную нагрузку, но и по причине неприятия вносимых ими инноваций со стороны педагогического общества. Иными словами, получение адекватного общего и специального образования в обществе пока остается проблематичным, а учебные программы не помогают учащимся в освоении модернизационных образцов знаний и навыков, современных представлений об окружении.

Институциональная область *просвещения*, представленная учреждениями культуры, в современных условиях выполняет характерные для нее социально значимые функции вполне удовлетворительным образом. Библиотеки, музеи, театры, концертные залы, клубы, хотя и утратили «массовых» посетителей, которые у них были в советское время, приобрели новую, более дифференцированную аудиторию. При общем усложнении социокультурной жизни представители среднего слоя среднего класса стараются использовать эту область социокультурного пространства как промежуточную между областями образования и массовых коммуникаций, где преодолеваются культурные несовершенства обеих, даже в условиях коммерциализации соответствующих учреждений. Причины такого положения дел следует искать в более адресной ориентации их работников на средний (а не низкий) уровень культурной компетентности аудитории, с одной стороны, и более лабильной, по сравнению с советским временем, организации функционирования этих институциональных образований — с другой. Их положение в современной российской культуре, которое существует несмотря на резкое возрастание стоимости их поддержания и использования, следует анализировать на социально-научной основе. Суждений здравого смысла здесь недостаточно. Тем не менее, обоснованная оценка причин существующего положения дел и возможных социокультурных последствий сохранения или изменения этого механизма отбора и организации культурных ценностей пока отсутствует. Можно лишь констатировать, что учреждения культуры заметным образом включены в культурную жизнь страны в качестве области организованной репрезентации культурных

ценностей и в один из способов решения проблемных ситуаций, связанных с модернизационными процессами, во многом благодаря целенаправленным усилиям представителей среднего слоя среднего класса. Представителей высшего слоя эти структуры мало интересуют по причине невысокого уровня их общекультурной компетентности и потому, что они не считают учреждения культуры первостепенными инструментами борьбы за поддержание собственной социальной позиции.

Институциональная область *массовых коммуникаций* выполняет в обществе специфические функции — снабжение всех его членов сведениями о том, что происходит в социокультурном пространстве; комментирование социально заметных событий; сообщения о распределении разного рода локусов удовлетворения социальных запросов; просвещение; развлечение; манипулирование общественным мнением. Из-за такой разнородности эта область социокультурного оказывается недоступной для полного контроля со стороны любого социального слоя, даже того, представители которого присвоили себе право использовать социальные институты в целях укрепления своего социального положения. Здесь представлены разные позиции по отношению к окружению: интерпретации событий, происходящих в хозяйственной, политической, правовой областях социокультурного пространства; просветительские ориентации; эстетические вкусы; взгляды на соотношение сакрального и профанного в области мировоззрения; точки зрения на то, что в каждой из этих областей можно назвать социальными и культурными ценностями.

Современные специалисты предлагают аудитории широкий спектр ориентаций на построение отношений с окружением. Здесь консервативные позиции соседствуют с радикальными и либеральными, критика существующего в обществе положения дел с его оправданием, а образцы популярной культуры высокого уровня — с самыми примитивными проявлениями массовой культуры. Соответственно, каждый при желании и навыках поиска может обнаружить в этом пространстве те сведения, которые его интересуют.

В то же время следует отметить, что адекватное пользование средствами массовой коммуникации предполагает специальную культурную подготовку. Однако в рамках российской культуры инкультурация такого рода на институциональном уровне не осуществляется. Соответственно достаточно высокий профессиональный уровень работников этой области сосуществует со слабой готовностью множества членов общества к прагматическому использованию предлагаемых сообщений. Такая ситуация порождает неопределенность в отношениях между коммуникаторами и реципиентами. Этим пользуются представители как высшего, так и среднего слоев среднего класса. Первые стремятся взять под контроль как можно большую часть институционального пространства массовых коммуникаций. Однако при современной широкой сети каналов трансляции это оказывается невозможным. Неподконтрольными этим людям возможностями пользуются представители среднего слоя. Через

доступные им каналы они подвергают критике ситуацию, сложившуюся в этой области, представляя ее как используемую своими оппонентами в их групповых целях. При этом и те, и другие представляют свою позицию как отвечающую интересам всех членов общества, что не соответствует реальности.

Дело в том, что представители низшего слоя среднего класса и высшего слоя низшего класса вполне удовлетворены существующим положением дел. Они находят в пространстве средств массовой коммуникации те сведения и того качества, которые не требуют интеллектуального напряжения. И, следует отметить, не бесполезные в просветительском отношении — советы, связанные с медицинскими, правовыми, финансовыми вопросами, с решением бытовых проблем, с формированием личного имиджа и т. п. Но эта многочисленная часть аудитории обращается к соответствующим каналам, прежде всего, с целью развлечения.

Представители высшего слоя среднего класса утверждают, что такая тенденция должна преобладать, поскольку отвечает массовым запросам. Их оппоненты из среднего слоя настаивают на том, чтобы в этой области в большей, чем сейчас, степени присутствовали образцы высококачественной популярной и элитарной культуры. Исходя из результатов исследований, характеризующих ее современные социально необходимые функции, они отмечают, что здесь не используются механизмы профессионально осуществляемой социокультурной организации:

- в ответ на необходимость формирования общих элементов языка культуры, характерных для переходного состояния российского общества, предлагаются разнородные, чаще всего упрощенные образования; формирование общепотребительного языка, отвечающего современным требованиям среднего уровня культурной компетентности, находится в зачаточном состоянии;
- при необходимости оптимизации отношений между различными субкультурами целенаправленная деятельность такого рода практически не осуществляется, что обусловлено ориентацией коммуникаторов в большей степени на укрепление собственных социальных позиций путем апелляции к субкультурам, составляющим социальный слой, к которому они принадлежат, чем к признанию правомерности культурных ориентаций социальных групп, составляющих социокультурное пространство оппонентов;
- в условиях усиления социальной дифференциации и изменения формы стратификации значимым становится формирование механизмов вторичной социализации, отвечающих существующим адаптационным императивам. Однако в области массовых коммуникаций такая задача не формулируется и не решается. Сообщения в основном носят частный характер, им не хватает рефлексии и обобщений. Представители конкурирующих социальных слоев используют каналы массовой коммуникации для целей поддержания и расширения границ собственных ареалов в социо-

культурном пространстве и не осмысливают даже собственные адаптационные стратегии;

- в области массовых коммуникаций возможно активизировать действие механизма, обуславливающего нормализацию настроений в обществе за счет конструктивного анализа происходящих событий и компенсаторно-развлекательного контента. Тем не менее, в этой области сегодня доминируют темы агрессии, преступности, секса. Такое положение дел выгодно представителям всех конкурирующих социальных слоев: поддержание в обществе настроений безнадежности, страха, периодическое возбуждение массовой истерии позволяет им представлять противника как порождающего социальное неблагополучие, а свой слой — в качестве источника его преодоления.

Сказанное свидетельствует о том, что социокультурные механизмы, действующие сегодня в области массовых коммуникаций, работают на укрепление скорее деструктивных, нежели конструктивных тенденций в обществе. Это происходит вследствие того, что эта институциональная область используется представителями конкурирующих слоев общества как публичное поле борьбы за свое доминирование в социокультурном пространстве. Кроме того, слабость институтов гражданского общества обуславливает отсутствие здесь подлинного социального контроля. В сообщениях преобладают реакции на события, явления, оценки, социальная значимость которых никак не обосновывается, а их организация в адаптационно полезные целостности не осуществляется.

Описанные выше процессы социальной дифференциации и их институциональные последствия характерны для всех российских регионов и типов поселений. Везде, а не только в столице и мегаполисах, люди пытаются использовать институциональные средства или ускользнуть из сферы их действия для того, чтобы увеличить степень социальной безопасности в подконтрольном им ареа-

ле социокультурного пространства. Разумеется, на этом уровне существует своя специфика реализации соответствующих социальных процессов и влияния культурных факторов на их осуществление. Но это предмет специальных исследований.

Предпринятый анализ направлен на выделение и упорядочение предметной области для изучения социокультурной микродинамики, в частности, порождения и распространения культурных инноваций с особым акцентом на социокультурной дифференциации российского общества. Его переходное состояние рассматривалось с точки зрения изменения модели социальной стратификации по сравнению с предыдущим, советским ее состоянием. В схематическом виде были представлены самые заметные тенденции, вызванные этими процессами.

Разумеется, все рассуждения и выводы носят обобщенный характер, а сама предметная область представлена в идеально-типической схематичной форме на основе структурно-функциональной методологической модели. В дальнейшем представляется необходимым обратиться к распределенности описанного выше социокультурного потенциала по типам регионов и поселений. В этих концептуальных рамках предполагается рассмотреть процессы социальных взаимодействий и коммуникаций, в контексте которых представители выделенных социокультурных слоев пытаются решать собственные проблемы. Соответственно, можно будет локализовать порождение культурных инноваций в ответ на затруднения и определить возможности их распространения в более широком масштабе. При этом в качестве идеально-типической области соотнесения принимается шкала ориентаций, крайние позиции которой составляют модернизационные изменения (определяемые в социокультурном ключе), с одной стороны, и поддержание статус-кво — с другой. В этом случае необходимо обоснование обращения к методологии синергетического анализа.

УДК 008
ББК 71.0

Т.Е. САВИЦКАЯ

НОВАЯ ТЕОРИЯ ДЛЯ НОВОЙ КУЛЬТУРЫ: ПО СТРАНИЦАМ КАНАДСКОГО ЖУРНАЛА «СТHEORY» (CRITICAL THEORY)

Представлена оригинальная школа социально-антропологической и культурологической мысли, сформировавшаяся вокруг канадского журнала «СТheory» (Critical Theory) в 1980-х годах и сохранившаяся до настоящего времени. Анализируются интервью, которые давал журналу Пол Вирилио, видный французский философ и социальный мыслитель, при этом внимание акцентируется на осмыслении новой социальной и культурной антропологии, порожденной глобальной электронной цивилизацией.

Ключевые слова: Пол Вирилио, культурная антропология, виртуализация культуры, медиа-технологии, гипермодернизм, журнал «СТheory» (Critical Theory).